

*В память о глубоко любимой Мэгги
(2006–2020)
Тебя безумно не хватает*

Вдохновением для этой книги послужили реальные истории серийных убийц. Фанаты жанра криминальной документалистики без труда отметят психологические и поведенческие черты, известные им по делам ВТК, Зодиака, Убийцы с Грин-Ривер, Альберта Де Сальво, Ричарда Рамиреса и многих других. Однако персонажи этой книги, их поступки и мотивы выдуманы и родились исключительно в воображении автора.

Софи!

Так много нужно тебе рассказать, что я не знаю, с чего начать. Наверное, с коршуна. Это не самое начало, но почему бы и нет...

Завороженная, прижавшись носом к стеклу, ты следила за тем, как он кружит в воздухе, а по лужайке скользит его черная тень. Ты сказала, что он вертится на месте. Ты сама любила так танцевать.

В Массачусетсе водятся коршуны, но ты их раньше не видела. Или не помнила. Ты была совсем маленькой, когда тебя перевезли в Лондон. Конечно, ты не ожидала увидеть в столице коршуна. Голубя, воробья, порой малиновку, но никак не хищную птицу.

— Чем это он занят? — размышляла вслух мама. — Может, заблудился? Бедняжка...

— Он охотится, — ответила ты — и была права.

Среди опавшей листвы на батуте беззаботно скакал воробушек. Он был обречен. Коршун камнем упал на жертву, схватил и разодрал на том самом месте, где обычно прыгала ты.

Восторг сменился ужасом, стиснув, как хищник свою добычу.

Утолив жажду крови, коршун взмыл в небеса, оставив среди грязных листьев одни только недоеденные лапки. Птичье место преступления.

Я часто вспоминаю об этом случае как о дурном предзнаменовании. Думаю о наступающей тьме. О грядущем крушении надежд. О непостижимости всего, чему суждено произойти.

Ты заплакала, всхлипывая и давясь слезами.

— Все будет хорошо. Бояться нечего, — успокаивала тебя мама.

Она солгала, Софи. Тебе следовало бояться. И хорошо не стало.

Глава 1

Тебе кажется, ты знаешь, как все было. И мне кажется, я знаю. Но что нам на самом деле известно?

Хочется верить, что в глубине души меня всегда что-то настораживало, не давало покоя. Хотя, если честно, я ничего не подозревала. Конечно, сейчас оглядываюсь назад и гадаю, не было ли то или иное подзаказкой, знаком? Но даже если так, то проявилось все намного позже, а тогда я ничегошеньки не знала. Ничегошеньки.

Так всегда бывает, когда оглядываешься в прошлое. Воспоминания искажаются, и создается впечатление, что повсюду были расставлены предупредительные флажки, хотя на деле их не было. Сам себе перестаешь верить. Прошлое превращается в череду вопросов «почему?» и бесконечных упреков.

Почему я не поняла, что происходит? Почему раньше не догадалась?

Ответ мне известен, хотя от него не легче, а только хуже.

Никто ничего не видел. Никто ничего не понимал. Не меня одну одурачили.

Сквозь щель почтового ящика проскальзывает и с глухим стуком падает на коврик письмо. Я тут, рядом: шнурую кроссовки, собралась с духом, чтобы выгулять

собаку, готовлюсь выскочить под дождь. Зря я столько выпила накануне... Мучаюсь похмельем. Как обычно, ничего нового.

Замираю, не разгибаясь, на пальцы намотаны шнурки, глазами прилипла к коричневому плоскому конверту. По имени отправителя понятно, что там.

Звенящая тишина. Слышу, как дышу, как гудит в ушах, как тяжело стучит сердце.

По верху конверта красными буквами выбито «Тюрьма Бэттлмаут»; так на ферме клеймят скот.

Желудок сводит. Сжимаю зубами язык, во рту вкус утреннего кофе смешивается с чем-то отвратительно кислым. Выступивший пот пахнет перегаром.

Он сбежал всего через полгода заключения. Ловкий фокус.

Вскрываю конверт и достаю письмо. *Мэттью Мелгрэну*. Подчеркнуто.

«Мэттью». Как официально, ведь все зовут его Мэтти — мы, пресса, телевизионщики из криминальных шоу. Такие передачи шли по всем каналам.

Мэтти любого заморозит своей кажущейся нормальностью и обаятельной улыбкой. Красивый, образованный. Убийца, нарушающий все клише. Он не был одиночкой, не был замкнут, имел хорошую работу.

Подруга у него тоже была, и здесь ничего подозрительного. Недавно на DVD вышел простенький фильм о его взаимоотношениях с моей мамой. Продюсерам прилетело за то, что на роль убийцы они позвали настоящего красавчика. Весь «Твиттер» шумел о том, каким подчеркнуто неотразимым показали Мэт-

ти и как невыносимо это было для родственников его жертв.

Только встревоженная общественность упустила главное: у него и сейчас нет отбоя от фанаток, которые заваливают его трусиками и порно, и по-настоящему оскорбительным для погибших женщин было бы показать Мэтти отталкивающим, перевернуть историю. В конце концов, будь он неказистым троллем, едва бы ему удалось привлечь своих жертв, втереться в доверие. Мне ли не знать.

Мэтью Мелгрону.

Глаза скользят дальше по тексту, дышать все тяжелее. Дойдя до конца, обращаюсь к маме. Голова раскалывается, во рту пересохло.

— Я рассталась с Томом. — Нужно говорить не об этом, но я должна собраться с мыслями.

— Софи, мне так жаль... Что случилось? Хороший вроде парень...

Фыркаю:

— Все они поначалу милые.

Слова повисают в воздухе, вызвав в нашей памяти одно и то же лицо.

— Он тебя обидел?

Я смеюсь, но без души.

— Сказал, что мне нужно чаще носить юбки.

— Софи, Софи...

Любому такой ответ показался бы глупостью, но я уверена, что мама меня понимает. Я с такой же уверенностью знала, что она горстями пьет таблетки, еще до того, как зависимость стала отражаться на речи.

— Ты мне не все сказала, верно?

Как всегда, мама видит меня насквозь. Какой смысл что-то скрывать, особенно сейчас?

— Мне пришло письмо. Из Бэттлмаута.

— Мэтти...

Даже сейчас, спустя столько лет после всего, что случилось... В ее шепоте — тоска, метание, неугасшая любовь... Я тут же вспоминаю о перочинном ножичке с перламутровой рукоятью, который храню в ящике комода. Боль помогает изгнать чувство вины, приносит облегчение. Боже, да я как собака Павлова!

Моей немецкой овчарке Бастеру тоже не чужды рефлексы. Каждый раз, когда раздается крик, неожиданный грохот или удар, он чувствует мое настроение и утыкается носом мне в ногу. Я треплю его за уши. «Хороший пес».

— Мэтти умирает, — говорю я маме без намека на радость или сожаление. — Рак поджелудочной.

— Сколько осталось?

Пожимаю плечами:

— Пара недель. Может, меньше. — Набираю побольше воздуха и медленно выдыхаю. — Пишет, что хочет поговорить. Увидеться.

— Сознаться?

В ее голосе слышится надежда, отчаянная потребность поставить точку. Мурашки по коже. Мне это необходимо не меньше, и все же...

— Возможно, но кто его знает... Он до последнего твердил, что не тот, кого все ищут.

— Ты поедешь?

— Не уверена.

Жажда получить ответы. Ужас перед правдой.

Опускаю взгляд. Руки трясутся, а с ними — крепко сжатое в кулаке письмо.

Глава 2

— Мне тоже пришло письмо, — говорит мама.

— От Мэтти?

— Нет. — В ее интонации проскальзывает разочарование, но она быстро берет себя в руки. — От тюремного капеллана по имени Билл.

— Старого?

— Что?

— Ничего. Извини. Не обращай внимания.

Старый Билл — из британского сленга¹. Ей, как американке, он до сих пор чужд. А я так и не научилась спокойно переносить дискомфорт.

Когда нервничаю, начинаю глупо шутить. Мой психолог Дженис называет это защитным механизмом. Очередная уловка, чтобы уйти от реальности. За долгие годы я выучила немало таких приемов.

На одном из стикеров, расклеенных мамой по дому, написано: «Хватит обороняться. Пусть все видят настоящую тебя».

Ага, конечно.

— И что же сообщил этот капеллан? Билл.

— Что избавление в прощении. Что мне станет лучше, если я смогу отпустить обиду. Что я сама себе причиняю боль.

— Господи Иисусе.

— Не богохульствуй.

Не сомневаюсь, что эти двое — мама и капеллан — нашли общий язык.

— Надеюсь, ты сказала ему, куда засунуть свою проповедь о прощении.

¹ Одно из прозвищ полицейских.

— Я не ответила, но письмо сохранила. — Это мне уже известно, письмо она держит в коробке с фотографиями. — Если хочешь, прочитай.

— Спасибо, обойдусь.

— Вот бы все обошлось и мне полегчало...

Ее печаль отдается во мне ответной волной эмоций. Вот бы обнять ее, заверить, что все будет хорошо. Слишком поздно.

— Когда думаю о времени с Мэтти, то уже не знаю, что из этого правда, а что — мои детские фантазии.

— Какая разница?

— Для меня — большая.

Повисшее молчание таит столько невысказанного! Стольким хочется с ней поделиться... Как много всего не стоит и говорить... Обычно я ограничиваюсь мысленными разговорами.

— Его последней жертве было всего восемь лет. Как мне, когда мы с ним только познакомились. А ее сестре — двенадцать, как мне, когда его посадили.

— Мы не знаем наверняка, кто ее убил.

— У присяжных сомнений не возникло.

Мама вздыхает и прикладывает к напитку. Я представляю, что в руках у нее джин. Пока шел суд, джин по утрам вошел в привычку. И к обеду ей уже было все равно, что пить, лишь бы не трезветь.

— Ты никогда не думаешь: что, если все это ошибка? — спрашивает мама.

— Нет.

Неправда. Конечно, я задумываюсь. Как иначе?

Что сделал он, что, по его словам, сделали они, — все это преследует меня так давно, что я уже забыла,

каково это — не задыхаться, не заставлять себя делать вдохи и выдохи.

Даже сейчас где-то в душе я надеюсь, что однажды проснусь и все окажется дурным сном. Что имя моего героя очищено. Что он не убил всех тех женщин, не расправился с девочкой, которая даже во сне не расставалась с плюшевым медвежонком.

Я ежедневно следила за судебным процессом по газетным заметкам, и потом читала и смотрела все, что касалось его дела. Видела снимки, изучала полицейские отчеты. Но пока он отрицает свою вину, всегда остаются сомнения. Вдруг они обвинили невиновного? Вдруг совершили ужасную ошибку? Было ли мое детство пропитано обманом? Или я сама себя обманула?

— Знаешь, он мне писал после суда. Любовное послание. Излил душу. Умолял верить ему, верить в то, что было между нами. Писал, что начал познавать свою духовность. Начал медитировать. Там, в тюрьме, участвовал в благотворительности. Даже консультировал заключенных, страдающих депрессией.

А ты и рада подачке. Ключула. С твоей подсказки Мэтти начал с чистого листа. Поклялся в вечной любви.

— Билл сказал, что Мэтти дал ему прочитать письмо, хотел подобрать верные слова.

Зачем морочить голову одному, если можно запудрить мозги двоим?

Что-то в ее голосе поменялось, словно из шарика выпустили воздух.

— Я так ему и не ответила. Должно быть, это его очень расстроило.

— И поделом. — Прозвучало жестко. Залакированная труха. Показуха. Только тронь, я рассыплюсь.

— Так ты поедешь? — снова спрашивает мама. — Навестишь его?

Я долго не отвечаю. Она ждет, потягивая свой напиток. А я так крепко впиваюсь в свежий порез на запястье, что выступает кровь.

— Мне страшно, — наконец признаюсь я.

— Знаю, — отвечает мама шепотом.

Откуда ей знать? Она же не понимает, что я натворила.

ИЗ БЛОГА «ДОСЬЕ РЕАЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ»

Почему серийные убийцы после оглашения приговора так часто обращаются в прессу? Хотят покрасоваться? Сказать последнее слово? Накормить ненасытное эго?

Заявление Мэтти Мелгрена до жути напоминает речь Кена Бенито, известного как «Душитель из Сан-Франциско», арестованного спустя десять лет после того, как Мелгрена отправили за решетку.

Эта схожесть дала почву для обсуждения, не были ли преступления Бенито вдохновлены зверствами Мелгрена. Всем известно, что последний душил своих жертв их собственным нижним бельем, завязывая импровизированную удавку бантом.

Если все так, то Бенито не единственный, кто увидел в Мелгрене героя. Поклонники пишут ему, шлют деньги и интимные снимки — некоторых дамочек страшные убийства не отталкивают, а заводят.

Вот какое заявление зачитал от имени Мэтти его адвокат:

Сегодня произошла ужасная несправедливость. Я невиновен в этих убийствах, потрясших мир и заставивших женщин бояться выходить в одиночку.

Если кто и виновен в свершившемся, то это полиция, сфабриковавшая против меня дело, не гнушаясь подлогом и ложными свидетельствами. Ничего не доказано, тем более моя вина.

Этот приговор должен был прозвучать для другого человека. Я всей душой надеюсь, что его скоро найдут и призовут к ответу, не только ради меня, но и ради семей его жертв. Они имеют право знать, что на самом деле случилось с их близкими.

И я тоже имею право.

Чем бы ни было продиктовано заявление Мелгрена, многие до сих пор недоумевают, был ли он честен. И правда ли, что маньяк все еще на свободе.

Глава 3

Мне было шесть лет, когда мы с мамой переехали из Ньютона — спального района на окраине Бостона в штате Массачусетс — в Лондон. С моим отцом она познакомилась, едва поступив в колледж. В том же году они поженились, вскоре мама родила меня. Ее отчислили, а бывшие однокурсники перешли на третий курс.

Когда отец ушел, мне не исполнилось и двух. Бабушка с дедушкой, сверхщепетильные католики, этому не обрадовались:

— Что ты наделала, Амелия-Роуз? Он просто исчез?

Ни они, ни их соседи не могли одобрить развод. В нашем маленьком городе на каждом углу стояло по

церкви. И куда бы ты ни шел, всюду встречал знакомых. Все друг друга знали.

— С чего бы ему уходить? — в сотый раз спрашивала бабушка, когда они с мамой в четыре руки мыли и расставляли посуду. Бабушка ополаскивала тарелки в мыльной воде, а мама вытирала насухо. — Никто просто так не уходит от жены и ребенка.

— А он ушел.

Дедушка оторвался от газеты, сложил ее и оставил на журнальном столике. На сгибе крупным шрифтом начало заголовка: «Тело женщины найдено в Чарльз...».

— Милая, твоя мать просто пытается разобраться.

Дедушка приехал в Штаты совсем мальчишкой. С годами он растерял былую шевелюру, но мягкий дублинский акцент никуда не делся. Бабушка говорила, что сначала влюбилась в этот говор, а потом уже в деда. Именно в таком порядке. Меня бы он привлек своей добротой, но ирландские нотки и правда звучали красиво, особенно когда он пел.

По словам мамы, отец тоже говорил с акцентом.

— Я этого не помню.

— Где ж тебе помнить...

Я не слышала его голос уже целую вечность.

Мама повесила кухонное полотенце и заправила волосы за уши.

— Иди-ка сюда, Софи. Давай посмотрим картинки?

Я села поближе, положила голову ей на плечо, а она принялась читать. В ее исполнении Джон Арбакл говорил каким-то недостаточно мужским голосом, а вот Гарфилд¹ удавался ей замечательно.

¹ Упомянуты созданные Дж. Дэвисом персонажи американских комиксов, мультфильмов и фильмов о коте Гарфилде и его хозяине.

Бабушка неодобрительно цокнула языком:

— Я пытаюсь с тобой поговорить, Амелия-Роуз.

Помню ее именно такой. Вот она цокает, закатывает глаза. А лицо напудрено так щедро, что сама кожа выглядит рассыпчатой.

Когда отец ушел, мы жили с бабушкой и дедушкой. Нам с мамой досталась общая спальня в деревянном доме на Годдард-стрит, где по ночам меня будили еноты, шумно рывшиеся в мусорных баках.

Однажды, устав от их постоянных набегов, я бросила из окна чашку с водой — хотела их спугнуть. Чашка разбилась вдребезги, десятки фарфоровых осколков рассыпались по дороге, и «кто угодно мог на них наступить».

— Тебе нужно научиться думать, прежде чем делать, — отчитывала меня бабушка. А наутро отправила меня с совком и щеткой на улицу. — Очень уж ты резкая, дорогуша. Такое поведение до добра не доведет.

Речь шла не столько о енотах, сколько о Тонни Синклере. Бабушку ничуть не волновало, что сопляк заслужил взбучку, которую я ему устроила. И что дрался он как девчонка.

— Так вести себя нельзя, ясно? Я не допущу, чтобы ты закончила как...

Дедушка бросил на нее предостерегающий взгляд и слегка покачал головой.

— Джорджия...

Почувствовав в нем союзника, я стояла на своем.

— Он сказал, что понимает, почему папа нас оставил. Я дала ему шанс взять свои слова обратно. Все по-честному.

Бабушка погрозила пальцем перед самым моим носом.

— Нельзя быть такой вспыльчивой, Софи Бреннан. В следующий раз попробуй объяснить, а не махать кулаками. А еще лучше просто уйди.

— Словами никого не проучишь.

Дедушка улыбнулся:

— Ты удивишься, сладкая.

Похоже, в этом вопросе у бабушки имелся кое-какой опыт. Однажды, когда все думали, что я сплю, я подслушала их разговор с мамой. Снизу доносились отдельные слова.

— Я знаю, что видела... Люди говорят... Лучше бы тебе...

Вскоре мы съехали из деревянного дома. У нас с собой было три чемодана, пакет с бутербродами и два билета на самолет.

— Мы летим в Лондон, малышка, — сказала мама.

— Не хочу туда. — Я почти плакала.

«Спор легче выиграть улыбкой, чем слезами, — говорила бабушка. — А еще от улыбки не опухают глаза».

Одна из «жемчужин ее мудрости».

«Никогда не поздно изменить жизнь» — особый бриллиант, которым она одарила мою маму в день нашего отъезда. Они с бабушкой стояли на пороге, скрестив руки и упорно не глядя на нас.

Почему мы уезжали? Найти маме нового мужа? Тогда почему не в Штатах? Там же полно мужчин. Не скрою, мне нравился мистер Бенсон, хозяин магазинчика сладостей «Кэнди Кингдом» в торговом центре «Нью-тон». У мамы появился бы мужчина, а у меня — бес-

конечный запас карамелек и клубничного мармелада. Беспроигрышный вариант, как сказал бы дедушка, но мама так почему-то не считала.

— Софи, ты знаешь, кто такой убежденный холостяк?¹

Я задумалась:

— Мужчина без жены?

— Не совсем.

Вот она сидит в машине. Подбородок высоко вздернут, плечи расправлены. «Улыбаемся, улыбаемся». Улыбка была маской, под которой мама пыталась спрятать свою беззащитность и уязвимость.

Не знаю, почему она казалась мне такой хрупкой. Может, из-за полупрозрачных, как у птички, запястий и тонкой шеи.

Говорили, что мама напоминает кудрявую Одри Хепбёрн. Не ту, что мы видим в «Завтраке у Тиффани» в жемчужном ожерелье и с сигаретой в длинном мундштуке. Мама совсем не походила на кинодиву. Она была похожа на Одри в водолазке, без макияжа, с убранными в хвост волосами. Свежее личико, озаренное невинной неувядающей красотой, та же тонкая длинная шея, заостренный подбородок и большие, как у олененка Бэмби, глаза. Только волосы у мамы были с рыжиной, цвета подсвеченного солнцем виски.

Тогда я еще не знала слова «уязвимый», но чувствовала, что в ней это есть. Если бабушка — настоящий кремень, то мама — лист картона; стоит намочить — тут же размякнет.

¹ Эвфемизм для обозначения геев.

— Почему нам нужно уезжать из Америки?

В животе защекотало. С этим ощущением я просыпалась среди ночи от страха, что под кроватью затаились монстры.

— Нет, Софи, не нужно, а мы сами так захотели.

— Захотели?

Мы могли остаться?

— Мы выбираем свободу, никто не будет дышать нам в спину. Начнем с чистого листа.

— Я не хочу уезжать.

Она вздохнула, давая понять, что теряет терпение. Я уже не в первый раз высказывала свое несогласие.

— Ты знала, что в Лондоне улицы вымощены золотом?

— Правда?

— Скоро увидим.

* * *

Мама устроилась секретаршей.

— Сразу меня взяли. На большее я не гожусь, но на счета хватит.

— Если у нас столько счетов, почему бы просто не вернуться домой?

— Мы уже дома, Софи.

На первую неделю мы остановились в отеле «Холидэй Инн», а затем подыскали квартиру на втором этаже двухэтажного здания неподалеку от Парламент-Хилл. Парламент-Хилл — зеленый оазис на севере Лондона: парк с детскими площадками, беговыми дорожками и прудами, в которых можно было плавать. А еще кафе, где продавалось мороженое и булочки с шо-

коладом. Туда мы любили наведываться субботним утром.

— Помнишь «Сто одного далматинца»? Здесь они ночью подняли лай.

Она ошиблась, это было на Примроуз-Хилл. Немудрено перепутать. Для нашего американского уха названия звучали почти одинаково, если специально не задумываться.

Мы посмотрели «101 далматинец» в первую же ночь, когда заселились в «Холидэй Инн». Из-за долгого перелета и смены часовых поясов спать совсем не хотелось, и мы, уютно завернувшись в одеяло, уплетали пирожные «Твинкис» из ближайшего магазина.

Что-нибудь жевать перед телевизором вошло у нас в привычку, бабушка этого не одобрила бы. Я так и слышу ее голос: «Как некультурно!». Она была бы в ужасе, если б увидела, до чего мы докатились.

Бабушке очень важно, чтобы все было культурно. В моем представлении это значило правильно держать нож и вилку и не чавкать. «Леди видно по ее манерам, Софи». Так себе мотивация — в шесть лет у меня были мечты поинтереснее, чем становиться леди.

Подозреваю, что в моем возрасте мама вела себя так же, хотя, глядя на ее нынешние утонченные манеры, представить такое непросто. Из разрозненных кусочков мозаики у меня сложилось впечатление, что мама в детстве была как мальчишка наподобие Тома Сойера, ловила лягушек, затачивала деревянные и подбирала косточки каких-нибудь зверьков.

Не знаю, что случилось с лягушками, но их косточки она хранила в жестянке из-под сигар в глубине прикро-

ватной тумбочки. На крышке нацарапано «Сокровища Амелии. Руки прочь!».

Коллекция показалась мне мрачноватой, о чем я ей и сказала.

— Красота есть во всем, Софи, — ответила она. — Нужно только присмотреться.

И мы смотрели. Нашим любимым занятием стала охота за «сокровищами» на Парламент-Хилл. Мы подбирали перышки, камушки и стертые стекляшки, которые я доверчиво принимала за изумруды. По вечерам мы уютно устраивались на диване, ели спагетти, смотрели «Коломбо» по телевизору или фильмы из ближайшего видеопроката. «Возвращение с Ведьминой горы». «Бриолин». «Оркестр клуба одиноких сердец сержанта Пеппера»¹.

«Оркестр» мама любила больше всего. Она фанатела от «Битлз» и собрала все их альбомы в виниле. В гостиной, где стоял проигрыватель, мы частенько под них танцевали. Мама плавно покачивала бедрами, а я только и умела, что скакать на месте.

Пока мы жили в Бостоне, меня отправляли спать в семь, а после переезда — почти в девять.

— Ты же растешь, — объяснила мама, хотя позже я стала догадываться, что ей просто не хотелось коротать вечера в одиночестве. Я, конечно, не жаловалась — уж точно не на это. Моим настоящим кошмаром был Дес Баннистер, разнорабочий из квартиры этажом ниже.

¹«Оркестр клуба одиноких сердец сержанта Пеппера» (1978) — музыкальный фильм режиссера М. Шульца, созданный по отдаленным мотивам бродвейского шоу и одноименного альбома группы «Битлз». Роли в фильме играют музыканты группы «Би Джиз» и Питер Фрэмpton.

— Жуткий тип, — поделилась я с мамой. — От него кисло пахнет сыром, и зубы у него ужасные.

— Нельзя судить по внешности, Софи. Важно одно лишь сердце.

— Не думаю, что сердце у него лучше.

Она подергала меня за хвостик:

— Ты же его совсем не знаешь.

— Я знаю, как он обращается со своей собакой. У нее все ребра торчат. Он ее голодом морит. Видно же!

— Может, его собака просто привередлива в еде... Помнишь старого Гейба Робинсона с нашей улицы в Бостоне? Он был добрым или нет?

— А что?

— У его волкодава тоже можно было ребра пересчитать. Но Трикла уж точно не морили голодом, слишком Гейб его любил.

— Это совсем другое дело.

Мама глубоко вздохнула и склонила голову набок, как всегда делала, подбирая слова.

— Знаю, что переезд дался тебе нелегко. Знаю, какой несправедливостью кажется оставлять все, что тебе знакомо. Надеюсь, однажды ты поймешь, что все было к лучшему и что я думала о нас обеих. А пока тебе нужно постараться приспособиться, и все получится. Ладно?

— Я постараюсь, но Дес Баннистер от этого хорошим человеком не становится.

Я ковыряла носком землю, кусала губы, чтобы не расплакаться.

— Мы его не знаем. Не знаем, через что ему пришлось пройти, чем он живет.

— И что?

— То, что нельзя судить о человеке, не побыв в его шкуре.

Я подумала о том, как топали армейские ботинки Деса, подумала о его камуфляжных штанах. Вспомнила, как он пнул кружку с подающими у бродяжки на вокзале.

— Мне не нужно влезать в его шкуру, чтобы понять, что он за человек.

— Хорошо. Он тебе не нравится. Можно ли по нему судить обо всем Лондоне? Здесь столько всего прекрасного!

— Прекрасно, что дедушка не пытается задобрить меня, чтобы я не шумела в церкви.

Она рассмеялась:

— С каких пор тебе разонравились мятные конфеты, малышка? Я скорее имела в виду погоду. Ты хоть знаешь, какой холод сейчас в Массачусетсе?

— Наверное, сильный.

— Сильный? Такой дубак, что пальцы отмерзают, вот какой.

Она схватила меня за руки и притворилась, что кусает. Цап!

— И еще приятно везде гулять, скажи?

Я пожала плечами, не хотела соглашаться, хотя она попала в точку. Дома никуда нельзя было добраться пешком, только на машине. Пешеходные улицы стали для меня настоящим открытием.

В этом-то и заключалась проблема. Там был дом, а здесь — нет. Все говорили, как принц Чарльз. Когда я попросила намазать тост вареньем, на меня посмо-

трели как на умалишенную. А еще абсолютно нигде не продавали мои любимые сухие завтраки «Лаки Чармс».

— Ненавижу эти галеты «Витабикс», — говорила я маме. — Они на вкус как солома.

— Тебе почем знать? — шутила она, оторвав глаза от стикера, на котором что-то увлеченно писала.

По всей квартире были расклеены записки с цитатами. Мама называла их заметками для вдохновения. Жемчужины мудрости. Возможно, в глубине души она скучала по бабушке.

— Что там написано? — спросила я.

— «Только ты сам даешь себе определение».

— А словарь на что? — отреагировала я, довольная своим остроумием.

Мама покачала головой:

— Ни одна книга на свете. Только ты сама.

Бабушка на этом моменте, наверное, бросилась бы за Библией, но я не хотела напоминать маме, что она пока так и не записала меня в воскресную школу. Поэтому решила действовать прагматично.

— Вообще-то неплохо сказано.

Да уж. Хотя нам больше пригодилась бы цитата «Бойтесь волков в овечьей шкуре».

Глава 4

Я нахожу за изголовьем кровати один из старых стикеров, написанных ее идеальным бисерным почерком. Со временем бумага истончилась и свернулась, синяя шариковая ручка поблекла. Призрак. Шепот из давнего прошлого.

Что бы я сказала, будь у меня возможность сделать наоборот? Оставить записку той себе. Послать предостережение из будущего. Подать тайный знак.

Меня часто увлекает эта фантазия, хотя в итоге остается только чувство вины и упреки. Себе, маме. А их и без того уже немало накопилось.

И все равно не унимаюсь, не могу ничего с собой поделывать. Как болячка, которая нестерпимо чешется, а расчесывать нельзя.

Я верчу в руке ветхую бумажку, играюсь. Что бы я написала?

«Бойтесь волков в овечьей шкуре»?

«Никому не верь»?

«Беги»?

Что, если все это — ужасная ошибка? Что, если он и вправду невиновен? Согласилась бы я пожертвовать самым счастливым периодом в своей жизни?

Думаю, да. Нет.

Боже! Неудивительно, что у меня все трещит по швам.

Провожу пальцем по маминым письмам. В горле стоит ком, и я чувствую, как внутренний черный пес готов сорваться с цепи. Фантом, затаившийся в ожидании шанса наброситься и придавить меня к земле. Он крадет у меня время, целые недели. Запирает в моей собственной тюрьме. Высасывает энергию, так что мне остается только сидеть, уставившись в одну точку.

В горле стоит ком, но других симптомов не наблюдается; нет того чувства, которое жжет глаза, прежде чем расплачешься. Мышцы не наливаются свинцом. Нет апатии.

Значит, это не начало нового витка депрессии. Я не стану замыкаться в себе. Одна мысль об этом пугает меня до смерти.

На маминой записке выведено: «Есть только сейчас».

Может, это знак, но я не тороплюсь звонить. Решиться — одно, действовать — другое. То же с прощением.

Я жду, когда мы с Бастером закончим обед, за которым он ест за нас двоих. У меня совсем пропал аппетит. Хоть какие-то плюсы. Наверное. С тех пор как мне стукнуло тридцать, контролировать вес стало сложнее.

Тянусь к телефону, ищу в письме номер тюрьмы. Мешкаю, но все же беру трубку, прикрываю рукой глаза.

Нет, не могу. Комок в горле начинает душить.

Завтра, думаю я, вставая. Прикидываю, не слишком ли ранний час для вина. Всего бокал, чтобы немного расслабиться.

И тут краем глаза вижу: «Есть только сейчас».

Стискиваю зубы, делаю глубокий вдох, набираю номер.

Когда берут трубку, мне уже не хватает воздуха, словно я взбежала по лестнице, а не просидела последние два часа в нерешительности за кухонным столом.

Ненавижу себя за то, что по-прежнему позволяю Мэтти задевать меня за живое. Я уже взрослая, столько лет провела, бегая от прошлого, и все же любая мелочь напоминает о нем...

Галстуки-бабочки. Отпечатки ног. Оброненная се-режка. Прошлое — это не неведомая страна. Это камера пожизненного заключения без права на досрочное освобождение.

По ночам мне слышится шепот — убитые женщины зывают ко мне. Чаще всего голос совсем детский. Девочка говорит зло, обиженно. «Почему ты не сделала этого раньше? — спрашивает она. — Тогда я была бы жива. У меня тоже была мама. Каково, по-твоему, ей приходится?»

Иногда она совсем жестока. «Почему я? Чем ты такая особенная?»

Я сама себя об этом спрашиваю. Все время.

Голос на том конце провода оживляется, стоит мне упомянуть его имя. Магнетизм дурной славы.

— Мэтти Мелгрэн?

— В какой день я могу подойти? — Я словно планирую визит к стоматологу.

Стучит клавиатура, в трубке цокают языком.

Я думаю о девочке с Хогарт-роуд и о том, что, по слухам, он сделал с ее языком. Нет такой стены, которой можно было бы отгородиться от прошлого.

— Вам необходимо прибыть за полчаса до назначенного времени. Возьмите удостоверение личности: паспорт или водительские права, — инструктирует секретарь. — И четвертак для камеры хранения. Вторник. Четыре тридцать.

Это не вопрос. Меня не спрашивают, удобно ли мне.

Как обычно, все козыри на руках у Мэтти.

Глава 5

Я просыпаюсь от звуков выстрелов. Показалось. Это рев автомобиля. Я в Лондоне, а не в Бостоне. Никаких пистолетов. Очень безопасно, думали мы.

Ранняя осень. Воскресное утро. Британская ранняя осень, уточняя я для самой себя.

— Теперь мы в Англии, — не устает напоминать мама, словно об этом возможно забыть. — Ты никогда не почувствуешь себя здесь как дома, если не избавишься от американского акцента.

— Это не дом, — упряmlюсь я. — И еще у меня живот крутит; я, кажется, заболела.

— Ага. Сегодня, значит, живот?

С тех пор как я поступила в школу Хэмпстед-Холл, у меня все время «болело» то одно, то другое. Про себя я звала ее «Хэмпстед-Хелл», настоящий ад. Даже пробовала грызть ногти, чтобы подхватить ленточного червя, но, вопреки мрачным обещаниям бабушки, все мои попытки чем-нибудь заразиться и отвертеться от учебы провалились.

Ужасно быть новенькой. Найди десять отличий.

Дети потешались над моим акцентом. Прозвали меня Янки. Спрашивали, не приходится ли Рональд Макдоналд моей матери мужем.

— К вашему сведению, она не замужем.

Тогда Янки превратилось в Нагулянное Помоище.

Рифмованный кокни-сленг¹: «Янки — помои в лоханке». Ну а дальше дело за малым.

— А ну возьмите свои слова обратно! — рычала я, сжимая кулаки.

¹ Кокни — самый известный из просторечных говоров Лондона, для которого очень характерны рифмованные саркастические «определения» привычных слов, которые затем подвергаются различным трансформациям (один из популярных примеров: «morning — day's a-dawning», что можно перевести как «рассвет — солнцу привет»).

— С чего бы? Сама сказала, что у тебя нет отца.

В те времена в Британии неполные семьи были в диковинку. Не то что сейчас. К тому же, как водится у детей, у этих школьников в костюмчиках нюх на болевые точки. Стоило им почуять слабинку, в них просыпалась жажда крови.

— Видела, как она смотрела на нас с отцом, когда он привез меня сегодня утром?

— Ей пришлось подарить открытку на День отца своему деду.

— Вот неудачница.

— Сами вы неудачники. И вы, и ваши тупые папаши.

Это я и пыталась буквально вбить в их головы, но они превосходили меня числом и знали, как ударить словом крепче, чем кулаком. К тому же слова не оставляют видимых следов, за которые может прилететь. Бабушку это впечатлило бы.

Меня вызвали к директору и передали записку для мамы. Через два дня — еще одну.

Моя учительница — божий одуванчик с весьма неподходящим именем мисс Бекон — по одному вызывала нас к своему столу и возвращала проверенные работы.

— Очень хорошо, Аллегра.

— Прекрасный образный язык, Юджин.

Когда очередь наконец добралась до меня, мисс Бекон молча, даже не улыгнувшись, протянула мне листок, весь исчерканный красным. Она исправила все слова, которые я написала на американский манер. Где-то не хватало букв, в других буквы были не те.

Учительница покачала головой и хмыкнула точно, как моя бабушка.

— Ты не в первом классе, Софи. Тебе не положено делать такие глупые ошибки. В *color* должна быть «и» перед «r»¹. И так далее.

Я вежливо объяснила, что умела читать уже в три года, а в своей школе получила медаль на конкурсе правописания.

— Это не ошибки, — подытожила я.

Мисс Бекон нахмурилась так, что брови сошлись на переносице, а вертикальные морщинки у рта обозначились еще четче.

— Ты со мной споришь?

Я чувствовала, что ребята за партами не сводят с меня глаз. Некоторые гадко ухмылялись. Я высоко подняла подбородок и попробовала снова...

— Просто говорю. Я умею писать по-английски.

Никому из нас и в голову не пришло, что возможны два способа.

Мисс Бекон сжалась, сощурила черные, как паучки, глаза. Поинтересовалась, учат ли хорошим манерам там, откуда я родом.

— Этому учат не в школе.

Рот у нее вытянулся в ниточку.

— Я напишу записку для твоей мамы. Должна сказать, что очень разочарована твоим поведением, Софи.

«А я — вашим», — подумала я. Учительница, а не знает, как пишутся простейшие слова.

— Ты что-то сказала?

— Нет.

¹ «Colo(u)r» — англ. «цвет», «окраска»; один из примеров разницы между британским и американским правописанием.

Поначалу не было ничего подозрительного. К тому же начало еще ни о чем не говорит. Если что-то идет как по маслу, не значит, что все хорошо закончится.

* * *

Солнце пробивалось сквозь жалюзи и озаряло комнату масляно-желтым светом. Я потянулась под одеялом, раздумывая о том, нужно ли подняться и посмотреть мультфильм «Сумасшедшие гонки» или остаться нежиться в кровати.

Накануне мама задержалась после работы — где-то гуляла со своей коллегой Линдой, единственной подругой, которая у нее появилась со времени переезда в Лондон. Не будь Линда такой настойчивой, сомневаюсь, что мама вообще завела бы друзей.

Мама никогда не была особо общительной. «Мне и одной не скучно, вот и все», — объясняла она. Поначалу мамы моих одноклассниц звали ее на утреннюю чашечку кофе, но, получая отказ за отказом, сдались и больше никуда не приглашали. Подозреваю, что мама была только рада.

— Помнишь, что тебе советовал доктор Норман? Негоже все время проводить в одиночестве, — поучала ее бабушка.

Я не могла с этим не согласиться. И благотворное влияние Линды было очевидно. Даже мама говорила, что подруге удастся «вытащить ее из панциря».

Не знаю, что там с панцирями, но дамочка была та еще болтушка.

Борясь со сном, я прислушивалась, не вернулась ли мама. По вечерам она почти всегда была дома, а если уходила, то я мучилась беспокойством. Если с ней

что-нибудь случится, хоть кто-то додумается мне сообщить?

Насколько я знала, во всем Лондоне только у Линды был наш номер телефона, и она же была единственной, с кем гуляла мама. Неутешительные факты.

— Пойдем расслабимся, — щебетала Линда, когда они уже собирались выходить.

— Давай, — соглашалась мама.

В ее тоне чувствовалась фальшь. Меня это не удивило. Перспектива «расслабиться» едва ли воодушевляла маму. Что может быть скучнее?

Я уже потирала глаза и вглядывалась в часы на прикроватном столике. Пузатый зеленый шар с глазами на макушке и светящимся циферблатом мне подарили за то, что я научилась определять время по стрелкам.

Прошла минута, другая, третья... Я снова начала проваливаться в сон, когда скрип из соседней комнаты заставил меня замереть, сковал леденящим душу страхом. Шаги. Слишком тяжелые шаги. Не мамины.

Я на цыпочках пробралась к двери, сжалась, задержала дыхание. Медленно-медленно опустила ручку, чтобы не выдать себя случайным звуком. На самую малость приоткрыла дверь, чтобы хоть что-то увидеть.

У дивана стоял мужчина — я отметила его светлые волосы, кашемировый свитер и коричневые туфли-оксфорды¹. Незнакомец изучал расставленные на журнальном столике фотографии, брал в руки одну рамку

¹ О к с ф о р д — покрой обуви, при котором центральная верхняя часть (союзка) нашивается поверх боковых (берцов); здесь, скорее всего, имеются в виду оксфорды с характерной узорной перфорацией — броги.

за другой, рассматривал и аккуратно ставил на место. В его движениях было что-то методичное, неспешное. Непринужденное.

Я решила, что грабителя семейные фото не заинтересовали бы, да и не стал бы он вести себя так по-хозяйски.

Пульс вернулся в норму, дышать стало легче, и я широко отворила дверь.

— Вы кто?

Он обернулся и улыбнулся так приветливо, словно только меня и ждал.

— Привет, Софи.

Я смутилась, но спокойствие в его голосе передавалось мне.

— Откуда вы знаете мое имя?

— Мы с твоей мамой давно знакомы.

У него было открытое лицо, и говорил он точь-в-точь как мой дедушка, отчего сразу напомнил мне о доме.

Пока я стояла в замешательстве, не зная, что сказать, мужчина подошел ближе и вытянул раскрытую для рукопожатия ладонь. Я почувствовала себя взрослой и важной. Непривычное ощущение. Обычно взрослые меня игнорировали или звали «милашкой», как будто я была не девочка, а жадный до внимания щенок.

Пожала протянутую мне руку, большую, теплую.

— Как вас зовут?

— Мэтти. И можно на «ты».

Было в нем что-то знакомое, в глазах, во взгляде.

Гость исполнил незатейливый танец и, дурачась, спросил, как мои дела и люблю ли я ходить в зоопарк, чем снова напомнил дедушку.

Я рассмеялась и последние нотки тревоги исчезли.

— А сейчас я собираюсь испечь твоей маме блинчики. Поможешь мне?

Блинчики я просто обожала. Среди фотографий на журнальном был снимок из кафешки «Айхоп», где я уплетала целый блинный торт, залитый взбитыми сливками.

— Мама придет?

— Она еще спит. — Он посмотрел на меня заговорщически. — И мы можем сделать ей сюрприз. Что скажешь?

— Хорошо. Она любит блинчики с шоколадной крошкой.

На самом деле я говорила не о ней, а о себе.

Мэтти заулыбался — мол, его не проведешь, — но спорить не стал.

— Договорились, коллега. Шоколад так шоколад. Нам нужны лопаточка, половник и сковорода. Знаешь, где все лежит?

— Уж точно не в гостинной.

Глава 6

После того случая Мэтти стал частенько к нам навещать, прикатывал на своем черном «Мини Купере» и приветственно махал, пока я выглядывала его в окно. Высовывал язык, хватался за голову или, никого не стесняясь, затевал дурашливый танец прямо посреди улицы.

Мама называла его кривлякой, а мне казалось, что он просто чудо.

— Твоя машина сверху похожа на большого муравья, — как-то раз заявила я, открывая ему дверь.

— А ты похожа на принцессу.

Мэтти поднял меня на руки и подкинул, так что я взвизгнула, хотя за его притворным рычанием и доносящимся из комнаты битловским «Эй, Джуд» этого было не слышать.

На моменте, когда Маккартни увещевал Джуда не бояться, Мэтти сделал вид, что вот-вот уронит меня.

— Хочешь, чтобы я тебя отпустил?

— Не-е-ет!

В следующий миг я уже на полу, пытаюсь выбраться из его крепких объятий — у нас это называлось «играть в тюрьму». У нас были стоп-слова «потные ноги», но не прибегать к ним было делом чести, и Мэтти это прекрасно знал.

— Сдаешься? Точно? Ты же понимаешь, что теперь я тут главный!

Вытирая руки о кухонное полотенце, в дверях появилась мама. Волосы распущены, большие, как у олененка, глаза горят.

— А меня в свои игры не берете?

Мэтти отпустил меня, подошел поцеловать маму и закружил ее в танце. Я цеплялась за его ноги, чтобы он опять меня схватил, а сама готова была с криком убежать прочь, если он попробует меня поймать. «Не догонишь никогда!»

Я намеренно вела себя как назойливое насекомое. «Вот я! Выбери меня!»

Он встречался с моей мамой, но я его тоже любила. Больше, чем кого-либо другого. Иногда даже больше, чем маму.

* * *

— Чем сегодня занимались мои любимые девочки?

Мэтти клеил нам на окна стикеры охранной компании. Никакой охраны у нас не было, но Мэтти сказал, что наклейки заставят потенциальных грабителей дважды подумать, прежде чем к нам лезть. Он много думал о безопасности и всегда говорил маме вести себя осторожнее. «Одинокая женщина — легкая добыча».

— Мы играли в прятки на Парламент-Хилл, — похвасталась я.

— Надеюсь, ты не закрывала глаза, Амелия?

— Если подглядывать, какой смысл играть? — парировала мама.

— Это небезопасно. Как знать, кто прячется в кустах?

Мама закатила глаза и неодобрительно покачала головой.

— Хватит драматизировать. Все было в порядке. Вокруг полно народу.

— Преступления происходят не только в глухих переулках.

— Очень интересно. — Меняя тему, она кивнула на пакеты, которые он оставил на столешнице. — Что там такое?

— Стейк. Хотел вас немного порадовать...

Несколькими днями раньше убили Джона Леннона. Мама, как и тысячи других поклонниц, никогда даже не видевших своего кумира, была в трауре. «Выстрел в спину. Каким трусом надо быть, чтобы стрелять в спину?»

— Еще вина прихватил. «Риоха», отборное. Хорошее, должно быть.

Она поцеловала его:

— Мой принц...

Мэтти отвесил поклон, сопроводив его широким жестом.

— Миледи.

— Принцы не кланяются, — вставила я. — Это им должны кланяться.

Он расплылся в улыбке:

— К такому, пожалуй, можно привыкнуть.

— Я открою вино? — Мама уже держала в руках бутылку «Риохи».

— Может, сначала переоденешься в юбку? Грех скрывать такую фигуру.

Я сделала вид, что меня вот-вот стошнит.

— А ты разве не хочешь выглядеть как леди, тыковка?

Нет, никакого интереса, объяснила я.

Мама была покладистой, старалась угодить. «Я как раз собиралась переодеться».

Мэтти зажал меня ногами, как в тиски:

— Попалась!

— Отпусти!

Он злодейски захохотал:

— Теперь ты моя пленница!

Я брыкалась и отбивалась. Мэтти держал все крепче.

— Вовсе не собиралась она переодеваться! — Я едва дышала от напряжения.

Он сжалился и ослабил хватку.

— Если б не ты, она так и ходила бы в джинсах, как я.

Мэтти промолчал и, слегка улыбаясь, стал разбирать продукты. Я подошла посмотреть, что он купил.

— Ореховый пломбир с зефирками, ура! — С торжествующим видом вытащила из пакета большую упаковку мороженого.

— Твое любимое, да?

В магазине рядом с домом такое не продавалось. Ему пришлось специально ездить в «Баскин Роббинс» на другой конец Лондона, в Голдерс-Грин.

— Спасибо, Мэтти. Ты лучше всех!

Он смутился, пародируя Микки-Мауса:

— О! Божечки! Я даже покраснел.

Вернулась мама. На ней было свободное бело-голубое платье, точно как на принцессе Диане с обложки свежего «Вуманс Оун». Она прислонилась к дверному косяку и внимательно следила за представлением. Большие распахнутые глаза светились любовью.

— Ну и актер вы, мистер Мелгрэн. — Она подмигнула мне. — Или правильно называть вас мистер Маус?

Я переводила взгляд с одной на другого, а в животе у меня порхали бабочки. Это и есть жить с отцом, в настоящей семье?

Снимок моего биологического отца хранился у мамы в ящичке, вместе с газетной вырезкой, вставленной в рамку. Маленькая девочка с фотографии, как объяснила мама, когда-то жила на их улице, но очень рано умерла. Ей было всего три года.

— Зачем ты хранишь ее фото? — удивилась я.

Она пожалала плечами, склонила голову набок:

— Чтобы помнить о ней.

— А папину фотографию?

— Наверное, тоже чтобы не забывать.

Я размышляла над значением ее слов. Если она хотела вспоминать о нем, то, может, хотела снова быть с ним?

— Раньше фото висело на стене?

— Нет. Почему ты спрашиваешь?

Я указала на следы от кнопок.

Она только улыбнулась загадочно и обещала объяснить, когда я подрасту. Интересно, когда я подрасту, станет ли мне понятнее, почему он от нас ушел?

Отец не звонил и даже не думал нас навещать. Год за годом в свой день рождения я загадывала одно и то же, но желание никогда не исполнялось.

Я решила, что он обо мне позабыл и живет новой жизнью. Завел семью и любит их сильнее, чем нас. Много позже выяснилось, что дело было совсем не в этом, хотя детали той истории так и остались загадкой.

Тем не менее папино фото исчезло из выдвижного ящика примерно в то время, как в нашей жизни появился Мэтти. Я не задавала вопросов, рассудив, что мама, вероятно, его просто выбросила. Оказалось, что она тоже удивилась пропаже, однако решила, что от фото избавилась я. Никто и не подумал на Мэтти.

— Пора в кровать, юная леди.

Мэтти снова со мной боролся, а мама пыталась отправить меня спать, чтобы он принадлежал только ей. Она очень старалась вести себя спокойно, чтобы впечатлить Мэтти, показать, какая она хорошая мать. Я тоже не хотела ударить в грязь лицом.

— Я совсем не устала.

— Уже поздно. Пора спать, Софи.

— Еще нет.

Мэтти сообразил, как прекратить этот спор:

— Давай я расскажу тебе историю?

Я расплылась в улыбке, усердно качая головой, как игрушечные собачки на задней полке автомобиля.

Мэтти был потрясающим рассказчиком. Сумасшедшие приключения с драконами и монстрами, запертыми в башнях златокудрыми принцессами и их спасителями, смелыми рыцарями, такими как сэр Матталот, на крылатых конях.

— Не надо потворствовать ее капризам, Мэтти. Софи должна научиться делать, как ей велено.

— Ты уже слышала историю о принцессе Софи и Рокковой горе? — спросил он, игнорируя мамино замечание.

— Нет. Расскажи! Расскажи! — Я хихикала от радости, что он занял мою сторону. В этом Мэтти мне никогда не отказывал.

— Отлично, это замечательная история.

Он взвалил меня на плечи и отнес в комнату; мама, поджав губы, проследовала за нами, всем своим видом выражая глубокое неодобрение. В этот момент она была как две капли воды похожа на бабушку.

— Давным-давно жила прекрасная принцесса...

— Ее звали Софи?

— Вы знакомы? — Он поднял меня вверх ногами, удерживая за щиколотки.

— Хватит, Мэтти. Ее вырвет.

С тем же успехом она могла обращаться к бездушной стене.

— Принцесса Софи — прекраснейшая из принцесс, — сказала я, чтобы он это хорошенько запомнил.

— С самыми потными ногами.

Я чуть не описалась от смеха!

Мэтти Мелгрэн. Мой герой.

Он устраивал нам вылазки в Риджентс-парк и на ярмарку в Хэмпстед-Хит. По воскресеньям, пока мама еще

спала, играл со мной в лудо¹ и готовил вафли. Заваливал меня подарками и возил в Голдерс-Грин за тем самым мороженым с орехами и зефирками.

Я его любила. А он убивал.

Так говорят.

С сайта Debate-it.com

МОЖЕТ ЛИ МЭТТИ МЕЛГРЕН БЫТЬ НЕВИНОВНЫМ?

Барри Олтман, самозанятый, есть внуки

Если Мелгрэн невиновен, то Земля плоская, а сайентология — единственная верная религия. Вся эта история нужна только для того, чтобы подогреть общественный интерес перед выходом на экраны «Маски на все случаи». Я-то ни в коем случае не стану смотреть фильм, в котором из страшного маньяка делают героя.

Мэтти Мелгрэн — манипулятор и психопат. Он пользовался чужой болью, втирался в доверие, притворялся самым обычным парнем. Посмотрите «Сеансы с психопатом», обратите внимание на его глаза, когда ему задают вопросы о жертвах. Этого достаточно. Не человек, а чистое зло.

Чарльз Фултон, скептик, любитель документальной криминалистики

Я искренне считаю, что он может быть невиновен. Если изучить протоколы заседаний, становится очевидно, что все собранные против него улики — косвенные. К тому же свидетели в своих показаниях расходятся относительно его внешности и обуви.

¹ Лудо — стратегическая настольная игра с игровой костью и фишками.

Мне не дает покоя мысль: а что, если следствие ошиблось? Что, если это не он?

И главное, он выразил соболезнования семьям:

«Погибшие — не единственные жертвы ужасных преступлений, их близким тоже пришлось очень и очень тяжело. По-своему их боль даже сильнее, ведь этому страданию нет конца. Однако наказание невиновного едва ли прекратит их мучения».

Разве может так сказать злодей? Не думаю.

Глава 7

— Не похоже, чтобы...

Мама беседовала по телефону с бабушкой. Я подслушивала по второму аппарату, ловя обрывки разговора о кошмарах, которые преследовали меня с тех пор, как мы переехали в Лондон. Поначалу мама разрешала мне спать с ней, однако когда Мэтти оставался на ночь, мне в ее спальне места не было.

— В кровати втроем тесно.

Мэтти подвинулся, чтобы я могла лечь.

— Да ладно, Эми. Я потеснюсь.

Мама была непреклонна:

— Софи уже большая, ей нужно спать отдельно.

— Я буду вести себя тихо-тихо, ну пожалуйста...

— Нет. Я сказала, марш в кровать.

— Но мне одной страшно...

— Хочешь, я посижу с тобой, пока ты не уснешь? — предложил Мэтти, уже вставая.

— Споешь «На Рэглан-роуд»?

Ирландская народная песня о заколдованных тропах и смелости перед лицом опасности. Когда-то давно, в Ньютоне, мне пел ее дедушка.

— Конечно. Поверь, ты даже не заметишь, как засопишь.

— Я не соплю.

— Твоя мама тоже так говорит, а сама храпит громче, чем надвигающийся поезд.

— ...Кошмары снятся, когда мозг борется со страхом, — говорила в трубке бабушка. — Софи что-то напугало?

Что-то в ее тоне меня задело, но я не могла понять, что именно.

Мама начала было отвечать:

— Нет, конечно, нет... — Она оборвала себя на полуслове. — Софи Бреннер, ты опять подслушиваешь?

— Нет.

— Положи трубку. Сейчас же.

Той ночью кошмар повторился. Подземелье. Дракон. И никого, кто услышал бы мои крики.

Я проснулась, сердце бешено колотилось, пижама промокла от пота. Темнота в комнате искажала очертания предметов, так что кошмары становились явью. Ветка за оконным стеклом превратилась в скрюченный ведьмин палец. Сваленная на стуле одежда казалась сгорбившимся чудовищем.

— Это просто дерево. А это всего лишь стул, — шепотом повторяла я по ночам, как мантру.

Но как проверить, что под видом обычных вещей не скрываются монстры?

Не хватало воздуха, меня трясло.

— Просто дерево. Просто стул. Просто...